

Читая Шолохова

1.

И сейчас не перестает радостно удивлять начало литературного пути Шолохова.

О «кразных переплетах» в короткой автобиографии писатель упоминает мимоходом, не поясняя, что стояло за этим словом. А стояло, оказывается, многое. Вот только несколько эпизодов, о которых можно теперь прочесть.

В ранней юности Шолохов, вместе с сотнями таких же окрыленных революцией сверстников, с оружием в руках отстаивает на Дону молодую Советскую власть. Он участвует в боях с белобандитами, в том числе с описанной им позже бандой Фомина. Продармейцем он не шадит сил, отвоевывая у казацких богатеев хлеб, чтобы помочь голодавшим рабочим Питера и Москвы.

Во время одного из боев Шолохов был схвачен махновцами, допрошен самим Махно. Он не был расстрелян только по юности. Махно посулил ему, в случае повторения встречи... виселицу.

Отгремели бои с белобандитами на Дону, и переполненный впечатлениями жизни, с детства жадно влюбленный в книги, семнадцатилетний Шолохов приехал в Москву, надеясь поступить на рабфак. Не вышло с рабфаком, и он работает каменщиком, грузчиком... Работает, и одновременно, поддаваясь неодолимому влечению поведать людям о пережитом, пишет первые свои рассказы.

1923 год. Шолохову восемнадцать лет. Московская газета «Юношеская правда» печатает первый шолоховский фельетон-рассказ «Испытание».

А уже через четыре года Шолохов выступил с двумя томами «Тихого Дона», сразу приобрел миллионы признательных читателей. И высоко ценимым Лениным старший русский писатель А. Серафимович написал тогда в «Правде» памятные, взволнованные строки о Шолохове — молодом орелике, у которого вдруг «расширились громадные крылья...»

Шолохову было двадцать четыре года, когда в одном из сталинских писем автор «Тихого Дона» был назван «знаменитым писателем нашего времени».

Версты уходят назад. Из степных буераков вой волчий, на жительство негодующий, а Дунытка обочь дороги шагает, в город идет, где советская власть, где учатся пролетарии для того, чтобы в будущем уметь управлять республикой.

Так сказано в книжке Ленина.

Ленинским светом озарены истоки шолоховского творчества. К Ленину потянулся молодой душой пастух Гриша. Светлым маяком был Ленин Дунытке. И молодой писатель всей душой, до последней кровинки, был с ними. Он, Шолохов, также беззаветно шел на ленинский свет, к рабочему классу, к партии. Это был новый путь миллионов.

2.

Зеркалом первой русской революции назвал Ленин Толстого. Объясняя это неожиданное для многих сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понимал, Ленин говорил, что если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Какие же существенные стороны революции отразил Толстой?

«Его устами», — отвечал Ленин, — говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозавев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними...». Этой массой, — указывал Ленин, — было главным образом крестьянство.

Кто же мог поднять и развить силу этих масс, покончить со слабостями, ограниченностью, отчаянием в крестьянском движении? Только тот класс, значение которого не понимал Толстой — российский рабочий класс.

«Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне... — пламенно призывал Ильич в канун величайшей революционной битвы в октябре 1917 года. — Мы, рабочие, можем дать и дадим вам то, чего крестьян-

ская беднота хочет и ищет, не всегда зная, где и как искать. Мы, рабочие, против капиталистов отстаиваем интересы свои и в то же время интересы гитантского большинства крестьян...».

Миллионы крестьян — всех народов нашей Отчизны — доверились рабочим, доверились партии рабочего класса. И великий союз рабочего класса и трудового крестьянства сломил неслыханное сопротивление капиталистов, помещиков, всех отживающих сил общества. С эмблемой Серпа и Молота возникло первое в мире социалистическое государство.

Можно ли не вспомнить все это, не задуматься над этим вновь и вновь, обозревая тридцатилетний творческий путь одного из самых больших современных художников?

И не потому ли так дороги для нас книги Шолохова, что и «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» говорит не только Дон, говорят не только отдельные человеческие судьбы, а говорит неизмеримо большее, говорит победоносный союз рабочего класса и крестьянства, — высокая правда социалистической революции, правда советской жизни.

В самую толщу мучительных противоречий, колебаний, исканий в донском казачестве, в самую гущу напряженной социальной борьбы на великом переломе истории — устремился Шолохов. Тем знаменательнее итог его бесстрашного исследования народной жизни. Самой действительностью, с поражающей силой запечатленной на страницах его книг, большой художник свидетельствует и утверждает: неодолима правда революции, и нет таких препятствий, которых не переборол бы, не опрокинул бы союз тружеников города и села под руководством рабочего класса.

Не сразу понял эту правду народ на Дону.

Но и в самые темные головы, в самые запутанные души неодолимой логикой жесткой, кровавой борьбы, фактами жизни постепенно вносилось убеждение, что эту «жизнь крестьянскую» можно сделать другой — свободной, справедливой, гордой, что нельзя дальше жить по извечному правилу «каждый за себя, один бог за всех».

Вспомним, как после падения монархии, есаул Листницкий, смутно чувствуя силу брожения среди казаков, пытается вести откровенный разговор с рядовым своей сотни, раньше ничем особым себя не проявившим — Иваном Лагутиным.

Беседа эта происходит в Петрограде — на одной из улиц, прилегающих к «серым лобастым корпусам Путиловского завода». И хотя о заводе ничего больше не говорится на этих страницах, — но именно его «лобастые корпуса», его «ребята кремневой породы» — незримо стояли за тем большим и разящим, что так потрясло Листницкого, в неожиданном признании казака Лагутина: «кривые порядки» были до сих пор; «большевики — они верно нацеливаются...»

С трудом сдерживающий себя Листницкий спрашивает в упор Лагутина — большевик ли он?

«Прозвище тут ни при чем... — насмешливо и протяжно ответил Лагутин. — Дело не в прозвище, а в правде».

К самому неотразимому аргументу пытается прибегнуть Листницкий, он говорит, что ведь земля его отца, как и каждого казака, это его собственность, он спрашивает старичника:

«Да ты что — землей не сыт? Не хватает тебе?»

Но уже крепко перепалили годы заско-рузную душу казака:

«В ответ, взволнованно задыхаясь, почти крикнул побелевший Лагутин:

— А ты думаешь, я о себе душой бо-лею? В Польше были — там как люди жи-вут?! Видал аль нет? А кругом нас мужи-ки как живут?.. Я то видел! Сердце кровью закипает!.. Что ж, думаешь, мне их не жалко, что ль? Я, может быть, об этом, об поляке, изболелся весь, об его горькой земле интересуюсь».

Со всей силой революционного, научно-го предвидения, прозревая будущее, В. И. Ленин указывал, что соединение рабочих и крестьян в прочный союз «задача не только русская, но и мировая», что «но-вое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо», и что союз рабочих и крестьян «никакие си-лы на земле... не расторгнут».

В этих словах — ключ к пониманию мирового значения шолоховских книг.

3.

Жадный до жизни Михаил Кошевой ночью, во фронтовом секрете, делится с другим казаком нахлынувшими на него мыслями:

— По-моему, страшной людской серед-ки ничего на свете нету, ничем ты ее до дна не просветишь... Люди про себя мало знают...

Шолохов не только пронзительно уло-

вил, передал эту просыпавшуюся в рядо-вом солдате тягу к разгадке, глубокому по-знанию окружающих людей, тягу, в кото-рой глубоко отразился социальный рост человека из «низов», процесс созревания масс для активного участия в большой ре-волюционной борьбе.

Шолохов всей мощью своего дарования пошел навстречу этой тяге. И то, с какой страстью, сосредоточенностью, широтой, пронизательностью, последовательностью он изучает человека, с какой силой твор-ческого воображения, художественностью он рисует людей, проникает в людскую середину, создает такие образы, каких не знала раньше литература, — по справед-ливости, единодушно оценивается как под-линный подвиг человекознания.

Своей полной, неотрывной близостью к простому и великому человеку труда бес-конечно дорог нам Шолохов.

Раз прочитав его горячую, страстную думу о доле казаки, потерявшей мужа в войне, будешь ли в силах забыть ее потом? «...Билась на земле баба, а около в овечью кучу гуртились детишки, выли, глядя на мать захлебнувшимися в страхе глазами.

Рви, родимая, на себе ворот последней рубахи! Рви жидкие от безрадостной, тяж-кой жизни волосы, кусай свои в кровь ис-кусанные губы, ломай изуродованные ра-ботой руки и бейся на земле у порога пу-стого куреня! Нет у твоего куреня хозяина, нет у тебя мужа, у детишек твоих — отца, и помни, что никто не приласкает ни тебя, ни твоих сирот, никто не избавит тебя от непосильной работы и нищеты, никто не прижмет к груди твою голову ночью, когда упадешь ты, раздаленная усталостью, и ни-кто не скажет тебе, как когда-то говорил он: «Не горюй, Аниська! Проживем!»... Са-ма будешь пахать, боронить, задыхаясь от непосильного напряжения, скидывать с ко-силки, метать на воз, поднимать на трой-чатках тяжелые вороха пшеницы и чувст-вовать, как рвется что-то внизу живота, а потом будешь корчиться, накрывшись лохмотьями и исходить кровью».

Кажется, навсегда поселились в душе эти шолоховские строки, с такой суровой силой передал он бесприсветное бабье горе; может быть, лишь у Шевченко да у Некра-сова встречали мы ту же душевность и си-лу, тоску и гнев в словах о доле кре-стьянки.

Звучат шолоховские строки в душе — и еще дороже ценишь нищую долю наших матерей, вдов — в колхозах; встает среди

других образ житомирской крестьянки Ольги Заики, — как и множества других вдов, — не растоптали ее, потерявшую мужа колхозницу, трудности жизни после недавней тяжелейшей Отечественной войны, есть прочный достаток в ее доме, окружен уважением ее труд, сама идет впереди других и окружающих торопит — не отставайте! Черточка красноречивая: не только своих детей растит Заика, но и часть своих больших заработков от чистого сердца выделила для улучшения быта детей, оставшихся после войны в колхозе сиротами... Радуюсь мы новой доле Заики, но без усталости должны проверять себя: надежно ли защищен теперь ее мирный дом, уже перенесший горе войны? И еще — всем ли, чем можно, облегчен ее мирный труд на полях, чтобы все радостнее работали ее натруженные руки и еще больше богатели ее душа?

...Читатели многих, нынешних и будущих, поколений еще не раз задумаются над трагической судьбой Григория Мелехова, спросят и переспросят себя в душе — почему так жалок его конец, почему **почернело солнце** для Григория? Ведь много было заложено в этом человеке, ведь как он тянулся к труду, справедливости, как любил землю, уважал людей, был и смел, и упрям, подчас горько раскаивался в своих тяжелых ошибках... И вот — итог: «от белых отбился, к красным не пристал, так и плаваю, как навоз в проруби...»

И будут перебирать эпизод за эпизодом всю жизнь Григория, — уж действительно «до дна просветил» Шолохов этого человека, со всех сторон показал его путь, поднявшись до таких высот социального и психологического обобщения, что самые глубокие выводы делают и будут делать люди из этой непростой жизни простого человека. И среди них — главный вывод:

— В великой борьбе нового со старым нельзя уходить от прямых дорог, «по ложкам» качаться, искать среднего пути. Нет ничего страшнее, как отбиться от народа, идущего вперед, отстать от жизни, не понять правды «фабричного люда» — рабочего класса и его партии. Гибельно для человека, когда предвзвешен затемняет ему рассудок. Живым мертвецом становится такой человек.

Но если для таких людей чернеет жизнь, само солнце чернеет, то каким же по-новому ярким оно становится, какие дали открывает, каким огнем наполняет сердца тех, кто выбирает путь революции, путь обновления мира. Есть свои ухабы на этом

пути, не сразу побеждает человек в себе зверя, не легко рвет пуповину, что долго связывала его с проклятой собственностью... Но только тому, кто до конца идет этим путем, действительно открываются и радость борьбы, и гордость общего труда, и счастье, полнота жизни. Разве не доказали это и Подтелков, и Кошевой, и Бунчук, и Котляров, и Лагутин, а затем и Давыдов и Майданников, и многие, многие другие скромные, честные, благородные и отважные люди? Жадно всматриваемся мы в эти светлые образы любимых книг, навсегда благодарны за них писателю, и, разохоченные щедростью его таланта, подчас готовы не простить скупости, незрелости иных страниц, рисующих действия, духовный мир коммунистов, рабочих (в первом романе) — вспоминаем об этом, крепко веря и зная, что все, что «недодано», еще будет перекрыто в новых книгах с лихвой...

...Очевидно, в каждом человеке есть зерно художника, дремлет способность своего, личного образного видения мира, проникновения в скрытую от обычного взгляда суть вещей. Но развита эта счастливая способность у людей по-разному.

Шолоховские книги-друзья как бы говорят тебе близким, внутренним голосом: не пройди, человеке, мимо того, как живет степь с ее то знойным, то ласковым солнцем, с ее оврагами, перелесками, травами, зверями, птицами, как несут свои воды реки в моря, как сменяются времена года, каждый раз по-новому раскрашивая и обогащая природу; умей оценить человеческую шутку, вслушайся, как много заключено в народной песне, в ярком, цветистом, образном, точном и неожиданном в своих оборотах, народном языке.

Кто из нас не замечал, что, прочитав ту или иную главу, страницу у Шолохова, — часто хочешь поделиться с другими испытанным художественным наслаждением, повторить вместе с товарищем особенно сочное описание, пышущий жизнью эпизод, меткую деталь.

Обогащая наши патристические чувства, умудряя нас громадным народным опытом, шолоховские книги одновременно развивают в каждом читателе художника, помогают тому, что Ленин назвал «художественным развитием» народа.

4.

В дни шолоховского юбилея хочется вспомнить одно пронизательное высказывание М. И. Калинина — человека, которо-

го Шолохов имел все основания назвать «великим другом литературы».

«Художественная литература, — говорил Калинин, — это богатейшая панорама типов людей... В художественной литературе вы видите людские типы в бесконечно разнообразных положениях. Поэтому повышение культуры — это в первую очередь знание художественной литературы. Она больше всего обогащает человека, дает возможность (я сужу по своему опыту) расти человеку, больше понимать людей».

«Больше понимать людей» — быть ближе к людям, уважать их трудовое достоинство, заинтересованно относиться к полному раскрытию всех творческих способностей любого товарища в коллективе и одновременно непримиримо обрушиваться на все чуждое характеру советского человека, знать корни недостойного поведения, мерзких поступков, помогать ковать лучшие качества — разве это не обязанность каждого советского человека, особенно — вдвойне и втройне — серьезная, ответственная для любого руководителя? И как много тут могут дать книги, подобные шолоховским. Такие книги, как и науки, «скарапеем» нам опыты быстротекущей жизни. Они предостерегают от поверхностного, легкомысленного отношения к нашим людям. Они во весь рост показывают народ, творящий историю. Они разжигают интерес, внимание, уважение к любому рядовому труженику. В них серьезное противоядие против страшного яда: бюрократического равнодушия к человеку. В каком запущенном колхозе не найдешь, при внимании, своего Демида Молчуна, людей дремлющей, скованной, скрытой, подчас, силы? Людей, жизнь которых в прошлом шла, как говорил Шукарь, «наперекосяк», ветром неслась, так что «то скособоит, то вдарит об какой предмет»? И с другой стороны, — где не подросли уже Федотки, босые, белоглазые паренки, про которых Давыдов когда-то ласково думал: «Счастливые будут Федотки, факт!», «Будет Федотка лет через двадцать... электроплугом наворачивать вот эту землю... К слову сказать — на Дону так и вышло — близ Цимлянского моря да Волго-Дона выросшие Федотки уже наворачивают землю именно электроплугом, созданы здесь электроМТС.

А в полевых станах украинских трактористов не считают особыми мечтателями и тех, кто в песне убежденно утверждает: «Атомна сила, прийдеши ти, Щоб хліборобу допомогти!»

Недавно опубликованы новые главы из второй книги «Поднятой целины». Если по-калнински к ним относиться, — сколько почерпнет из них, помимо художественного наслаждения, — для дела, для работы, для борьбы, для постижения сложного искусства руководства людьми и секретарь обкома, и директор завода, и любой руководитель района, и наши товарищи — тридцатитысячники, едущие из городов на село, чтобы возглавить крутой подъем отстававших и запущенных колхозов.

Какие драгоценные «уроки руководства» вслед за Давыдовым могут извлечь тысячи больших и малых руководителей хотя бы из одной мудрой, неторопливой беседы кузнеца Ипполита Сидоровича Шалого со своим колхозным председателем.

Вот и честен, и глубоко предан делу, и неутомим в работе Давыдов, он действительно уважаемый и любимый вождь молодого колхоза, но сколько такого, чего не замечал он до сих пор, о чем не успел подумать, — полметил «снизу» и много раз передумал кузнец Шалый и выкладывает теперь с доверием своему председателю, чувствуя себя вправе ему сказать, нажимая на любимое слово «окончательно»:

— Молодая суета тебя окончательно затемнила, это я тебе окончательно говорю.

О многом успел передумать под крышей старой кузницы Шалый, за многое болит его сердце — и за то, что вырастающая в селе молодежь отворачивается от нужных для жизни, для колхоза, профессий, и неправильность учета в колхозе его волнует, и многое другое, видит кузнец постоянно неприкрашенную правду жизни, и когда Давыдов с налету пытается возразить ему, — рассудительно говорит:

— Ты мне толкуешь, как оно должно быть, а я тебе — как оно есть на самом деле.

Может быть, не следовало Шалому в беседе касаться личных неустroенностей в жизни Давыдова, говорить о том, как связался тот ни к селу ни к городу с Лужской? Нет, очень уместен и полезен тот суровый урок, который и в этом отношении преподает Давыдову, как колхозному голове, от имени хуторских стариков Шалый! Нет в этом уроке общих слов о правильном сочетании и неразрывности личного и общественного, — но можно ли это совершенно обязательное требование к нашим кадрам выразить более метко, чем это сделал дед Бесхлебный, предложивший, по словам Шалого, такое:

«Надо бы нашего Давыдова на весах взважить, — сколько он до Лужки тянул и сколько зараз. Считаю, добрую половину веса она с него спустила, просеяла, как сквозь сито. Не порядок это, старики: ей — отсвоя мука, а нам — отрубил...»

Трудно все это слушать Давыдову, и бледнеет он во время беседы, и синеватые пятна у него выступают, а — слушает, и недаром слушает... В конце беседы получает Давыдов от кузнеца ясные доказательства самой серьезной опасности, нависшей над колхозом, — подрывной и преступной деятельности «тихого» кулака Островного, втершегося в доверие к председателю.

Только краешек своего нового большого произведения — романа «Они сражались за Родину» пока приоткрыл нам Шолохов. Но какой интерес успел поселить в нас в героях романа, как успели мы их полюбить, как ждем новых встреч с ними — ослетыми в солдатские шинели комбайнером Звягинцевым, шахтером Лопахиным, агрономом Стрельцовым, несхожими характером, колючими и веселыми, тоскующими и мужественными людьми.

Сопоставляя от книги к книге выведенные Шолоховым типы простых людей — казаков, рабочих, колхозников, все увидят под их обаятельной, внешне неброской людской оболочкой стремительный рост духовных качеств, патристического сознания, растущую душевную красоту, новый кругозор, новые возможности советского человека — и в этом высокая правда нашей жизни.

5.

Последние годы не так часто слышим мы голос Шолохова, долго вынашивает он свои новые произведения, скуп он на речи, сравнительно редко встретишь его статьи. А все же всегда ощущаешь и действие его книг и его самого большого человека сердце, его напряженную мысль.

Неиссякаема его любовь к родному Дону, но никогда писатель не был узок, никогда не замыкался в любви к Дончине, по-сыновья преданно и широко любит он всю необъятную нашу Отчизну и всегда — весь мир перед ним.

Об Украине с большим чувством писал он недавно, побывав в Киеве:

«Могучий и вольный Днепр-Славути так же мил моему сердцу, как и родной тихий Дон. Я еще больше проникаю глубокой любовью к великому, талантливому и трудолюбивому украинскому народу... Укра-

инцы сердечны, добры, с искоркой природного юмора, с мягким и в то же время мужественным характером».

Далеко достигает любовь Шолохова, и друзья-читатели — всюду в мире — отвечают ему такой же любовью, признательностью.

Когда-то с теплым чувством говорил Шолохов о китайцах-добровольцах на нашей земле, принявших участие в гражданской войне. И как же радостно и приятно, что теперь уже на самой родине этих честных, смелых друзей, в Китае, шолоховская «Поднятая целина» стала оружием строительства новой жизни.

Иной за рубежом, может быть, и рад отвернуться от правдивого шолоховского слова. Но еще в начале тридцатых годов Максим Горький, по одному писательскому свидетельству, сказал так:

«Там (на Западе. — А. М.) наиболее умные читатели признали то, что, например, развитие сюжета двух шолоховских книг — не дело авторского произвола, а серьезное отражение подлинной жизни, с которой должны считаться и в Риме, и в Париже. Вот почему с книжками Шолохова толковые люди Европы считаются, как с самой действительностью».

Бывает скуп на слова Шолохов, но если скажет, так скажет... Так сказал он недавно на съезде писателей, — словно на века золотом высеял на мраморе великую правду творчества, раз и развеивая наветы наших врагов:

«О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

***

Большой это праздник — юбилей писателя, любимого художника современности, рожденного и вскормленного народной революцией, мужественного бойца в народных рядах.

И простое, сердечное слово срывается в этот день с уст у миллионов читателей:

— Живи долго, родной и близкий нам человек, здоров будь и бодр, твори и твори — во славу народа, на радость расправившему крылья трудовому люду всех материков и на страх последним врагам человечества.

А. МИХАЛЕВИЧ.